

На самом деле Ли Жун не ожидал, что Цэнь Сяо возьмет его за руку.

Взяться за руки — подчас этот жест значил куда больше, чем секс. Смысл его, глубокий и ускользающий, лежал за пределами простого утоления плотского желания. В прошлой жизни они миновали стадию нежных ухаживаний: не было ни доверительных касаний, ни объятий, дарованных по доброй воле.

Ли Жун согласился на ту ненормальную связь лишь потому, что Цэнь Сяо мог помочь ему попасть в «Хунсо». А попасть туда он был обязан.

Окончив университет, он опубликовал несколько значимых научных работ и набрал высший балл на вступительном экзамене в институт, но из-за репутации родителей его имя вычеркнули из списков. Обычный кандидат мог бы подать апелляцию или обратиться в СМИ, требуя от «Хунсо» разъяснений, но только не он.

Приемная комиссия отклонила кандидатуру Ли Жуна почти единогласно. Ни пресса, ни общественность не собирались вставать на сторону сына Ли Цинли и Гу Нун. Напротив, люди лишь злорадствовали, желая, чтобы юноша вечно нес на плечах позор родителей и впитывал всю ненависть этого мира.

У него не осталось выбора, кроме как обратиться к Цэнь Сяо, предоставив тому полный контроль над своей жизнью.

Благодаря давлению со стороны «Ланьшу» вскоре выяснилось: место Ли Жуна отдали другому кандидату, чья семья имела нужные связи. Истинная причина не имела ничего общего с благородными мотивами, изложенными в официальном письме — всё диктовалось корыстью. Тот кандидат, вероятно, и не догадывался, что за спиной всеми презираемого юноши, лишившегося семьи, стоит Объединенная торговая палата.

В итоге интриган остался ни с чем, а «Ланьшу», вцепившись в этот инцидент, вынудила институт реформировать приемную комиссию и уволить часть старых сотрудников. Цэнь Сяо же, успешно разрешив дело, лишь укрепил свой авторитет в Третьем районе.

Тогда всё было иначе.

Сейчас же они напоминали двух мальчишек, которые, пользуясь моментом, пока никто не видит, позволяют себе тайные нежности в стенах школы, где любые отношения под строгим запретом. Подобное поведение шло вразрез с привычками Ли Жуна и уж тем более противоречило властной натуре Цэнь Сяо.

Но Ли Жун не чувствовал дискомфорта. Грань между противоречием и здравым смыслом часто

бывает едва различима. К тому же рука Цэнь Сяо была действительно очень теплой.

Тем не менее, едва они подошли к дверям класса, он быстро высвободил пальцы и спрятал их в карман, делая вид, будто ничего не произошло. Цэнь Сяо проявил ту же молчаливую солидарность, никак не отреагировав на этот жест.

Ли Жун толкнул заднюю дверь и тихо прошел к своему месту. Спутник следовал за ним в метре позади, сохраняя на лице привычное бесстрашие. Их одновременное появление заставило весь класс обернуться, и даже учитель физики невольно проследил за ними взглядом.

Едва добравшись до парты, юноша лениво растянулся на ней. Учитель знал, что он только что занял первое место в параллели, а потому не стал делать замечаний и, откашлявшись, продолжил урок.

Пока первый ученик школы притворялся «соленой рыбой», последний в списке старательно делал вид, будто изучает тест.

Цэнь Сяо откинулся на спинку стула, удерживая листок за край стола. Внешне он казался предельно сосредоточенным, но в мыслях раз за разом прокручивал те мгновения в коридоре.

Рука Ли Жуна была ледяной, но удивительно мягкой — кожа холеная, не знавшая тяжелого труда. Не то что у него самого: ладонь и ложбинка между большим и указательным пальцами были покрыты тонким слоем мозолей от рукоятки пистолета.

Когда он сжал его ладонь в ответ, тот не сопротивлялся. И эта покорность сделала короткий путь до класса особенным: казалось, даже воздух вокруг стал тягучим и податливым. Цэнь Сяо не считал себя человеком тонкой душевной организации, но всё же наслаждался каждой секундой этой минуты.

Это был совершенно новый опыт — внезапная искра, рожденная в хаосе противоречий и случайных совпадений. Сюрприз, который никак не мог произойти в его привычном, выверенном мире.

Цзянь Фу, согнувшись в три погибели, обернулся к другу. Увидев, как тот пристально сверлит взглядом тест, он скривился и, улучив момент, когда учитель отвернулся, щелкнул пальцами за спиной.

Физик резко обернулся, гневно вскинув брови. Окинув класс подозрительным взглядом, он рявкнул: — Кто здесь хулиганит?

Цзянь Фу втянул голову в плечи, едва не уткнувшись носом в парту, и замер, не издавая ни звука. Никто не собирался доносить на него — даже сторонники «Хунсо» предпочитали не связываться с этим баламутом. Не найдя виноватого, учитель бросил последний гневный

взгляд на учеников и вернулся к доске, записывая ход решения задачи.

Цэнь Сяо, очнувшись от шума, скользнул взглядом вперед, а затем достал телефон и открыл личное сообщение от друга.

[Цзянь Фу: Выйдем в обед? Отцу прислали свежего голубого тунца, говорят, мясо нежнейшее]

Он мельком взглянул на точеный профиль Ли Жуна. Задержав на нем взгляд на несколько секунд, Цэнь Сяо начал быстро печатать одной рукой.

[Цэнь Сяо: Обедаем в столовой]

[Цзянь Фу: ??? Ты хоть понимаешь, что такое голубой тунец? Это баснословно дорогая и нежная рыба, три тысячи за порцию! Мы её всего пару раз в год едим!]

Несмотря на статус своих семей в Объединенной торговой палате, Цзянь Фу и Цэнь Сяо жили под постоянным давлением: чем выше положение родителей, тем опаснее было проявлять излишнюю расточительность. Никто не знал, в какой момент ищейки из Девятого района почуют запах наживы и придут с проверкой. Поэтому семья Сун, будучи «чистыми» коммерсантами, жила куда вольготнее.

[Цэнь Сяо: В столовой тоже неплохо]

[Цзянь Фу: Ты про ту самую столовую, где мы едим дважды в день? Ту самую, где яичный пудинг с арбузом — коронное блюдо? Ту самую столовую Школы А из первой десятки страны, где за одну несъеденную полоску огурца смотритель акции "Чистая тарелка" сожрет тебя самого?]

[Цэнь Сяо: Именно]

[Цзянь Фу: QAQ Ну ты и кремень]

Ли Жун приоткрыл глаза и лениво поинтересовался: — О чем болтаешь с Цзянь Фу?

— Ни о чем, — коротко бросил Цэнь Сяо.

Ли Жун зевнул и пробормотал: — У нас, кажется, целых пять столовых. Говорят, они входят в топ-10 по стране, должно быть вкусно.

Цэнь Сяо лишь усмехнулся, не желая разрушать его иллюзии.

Когда прозвенел звонок на обед, староста еще не успел подняться, как к его парте прильнул Линь Цинь, прижимая к груди тетрадь с ошибками. В присутствии Цэнь Сяо тот вел себя крайне осторожно. Возможно, благодаря врожденной чувствительности артиста он уловил, что Цэнь Сяо недолюбливает, когда кто-то крутится слишком близко к Ли Жуну.

Линь Цинь робко положил тетрадь на край стола. Напряженно поджав губы, он чуть склонился и ткнул пальцем в свои записи: — Староста, не мог бы ты объяснить мне этот момент?

Ли Жун бросил взгляд на страницу. — Разве учитель не разобрал это на уроке?

Щеки Линь Циня тут же залились краской. Действительно, учитель объяснял это, причем дважды, а потом еще спрашивал, всем ли понятно. К сожалению, в классе никто не отозвался, и подросток тоже не посмел подать голос, боясь отнимать у всех время. Впрочем, он помнил, что Ли Жун проспал весь урок — как же тот узнал, что именно объяснял учитель?

Ли Жун подался вперед. Опираясь левой рукой на стол, он взял ручку и указал прямо на записи Линь Циня: — Давай я распишу.

У того перехватило дыхание, и не успел он кивнуть, как Ли Жун уже начал писать — его слова были скорее уведомлением, чем вопросом.

— Угловая скорость вращения стержня мала, тело В сталкивается с ним, значит... В другом случае угловая скорость велика, столкновение произойдет через круг, тогда вот так...

Он заново набросал для Линь Циня чертеж, подробно разобрал оба варианта. Опасаясь, что юноша так и не уловит логику физических процессов, Ли Жун просто вывел алгоритм решения подобных задач внизу страницы.

В прошлом ему случалось читать лекции студентам, так что передача знаний не была для него чем-то новым. Он прекрасно понимал: таланты у всех разные, и в профессиональных знаниях всегда бывают пробелы. Некоторые люди терпят неудачи не из-за лени, а лишь потому, что природа не наделила их нужным даром.

Его записи в тетради не отличались строгим порядком — он писал вокруг задачи, делая пометки и набросав пару схем, но почерк старосты оставался изящным, летящим и безупречным. Ли Жун держал ручку высоко и писал легко, почти не оставляя вмятин на бумаге. Линь Циню казалось, что эти небрежные, но уверенные штрихи обладают особой эстетикой.

— Не обязательно вникать в суть, просто запомни последовательность. Я набросал довольно сумбурно, позже сам всё приведи в порядок.

Ли Жун отложил ручку и одним движением надел колпачок.

Цзянь Фу уже битую вечность сидел верхом на стуле перед их партой. Он растопырил пальцы и медленно помахал ими перед лицом Цэнь Сяо: — Брат, чего мы ждем? Сейчас в столовой всё самое вкусное расхватывают.

На самом деле он всё еще грезил о тунце, но, к счастью, отец обещал оставить ему кусок. Цэнь Сяо неспешно отпил воды из стакана, стараясь скрыть раздражение: — Жду, пока Учитель Ли закончит делиться мудростью и рассеивать мрак невежества.

Цзянь Фу округлил глаза: — Ого, мы обедаем с ним? Неужели наша «большая панда» решила отказаться от подношений элитного бамбука и слиться с народом?

Ли Жун лучезарно улыбнулся: — В суровые холода жизнь всегда становится чуточку скромнее.

Цзянь Фу едва не закатил глаза к потолку. В суровые холода Ли Жун попивает изумрудный рыбный суп, пока он и Цэнь Сяо давятся обычным жареным рисом.

Только сейчас Линь Цинь осознал, что Ли Жун, Цэнь Сяо и Цзянь Фу — все они ждут его одного! На него накатила волна радостного смущения, и он засуетился: — Ой, я вас задерживаю! Идите скорее, я сейчас же всё разберу сам.

Он схватил тетрадь и уже собрался сбежать, но стоило ему повернуться, как голос Ли Жуна, внезапно ставший серьезным, остановил его.

— Линь Цинь. — Ли Жун перестал улыбаться, и в его холодном взгляде проступила властная натура. — Если в будущем что-то будет непонятно — спрашивай. И не бойся, что кто-то за твоей спиной начнет строить козни. Теперь ты на нашей стороне.

Сердце Линь Циня екнуло, он мертвой хваткой вцепился в тетрадь, так что на кожаной обложке остались следы от ногтей.

Линь Цинь всегда думал об одном.

«Нужно лишь продержаться три года, и я больше никогда не увижу этих людей»

Это был первый раз, когда кто-то назвал его своим.

— Эй, Ли Жун, с каких это пор мы на одной стороне? — Цзянь Фу с силой хлопнул по столу, выражая протест. — Мы из «Ланьшу», а ты — из «Хунсо». И пусть тебя оттуда вышвырнули, старые счета никто не отменял.

Ли Жун изогнул губы в улыбке: — Мы с Цэнь Сяо на одной стороне. Ты хочешь выйти из игры?

— ... — Цзянь Фу осекся. — Да чтоб тебя.

Цэнь Сяо коротко постучал пальцем по столу: — Идем есть.

Раз уж они оказались «на одной стороне», Линь Цинь, сам того не понимая как, примкнул к этой маленькой группе, направлявшейся в столовую. Он и представить не мог, что поход за едой когда-нибудь станет настолько торжественным событием.

Цзянь Фу выбрал самую дорогую из пяти столовых. Кухня здесь была на высоте, так как её арендовали лучшие рестораны города А. Для них это были своеобразные рекламные площадки: они предлагали лишь часть меню, и если ученикам нравилось, те могли прийти в сам ресторан. Однако цены в школе были куда ниже — разница в стоимости покрывалась за счет рекламного бюджета заведений.

У самого входа Цэнь Сяо чуть замедлил шаг. Не глядя Ли Жуну в глаза, он негромко произнес: — В столовой много людей.

Их совместное появление и обед за одним столом станут сигналом. Сигналом, несущим в себе неведомые риски. Раньше он изо всех сил старался избегать подобного, ведь их нынешней власти было недостаточно, чтобы противостоять всем угрозам. Но как бы осторожно он ни действовал, как бы ни просчитывал каждый шаг, одна ошибка всё равно могла разрушить всё.

Поэтому он не стал препятствовать неуправляемому Ли Жуну. Его фраза прозвучала сухо, как простая констатация факта. Но Ли Жун, кажется, понял всё без слов. Он беспечно улыбнулся: — Ну и пусть.

Цзянь Фу, чувствуя себя так, словно попал на урок углубленного анализа текста, проворчал: — Что за загадки? Эй, ты что-нибудь понял? — Он ткнул Линь Циня в плечо.

Тот мгновенно выпрямил спину и замотал головой: — Ничегошеньки.

— А вид такой задумчивый... — Цзянь Фу фыркнул, оглядывая его. — Я уж решил, что один здесь дурак. Черт.

Линь Цинь тихо пробормотал: — Мне и не нужно понимать. Я верю старосте.

Собеседник с нескрываемым скепсисом отвернулся. Ли Жун лишился всего, а у него всё еще находятся настолько преданные последователи.

— Тут и верить нечего, в столовой и правда всегда толпа.

Стоило им войти, как они мгновенно приковали к себе сотни взглядов.

— Смотри, скорее смотри! Цэнь Сяо и Ли Жун обедают вместе.

— Что сегодня за день? Неужели «Хунсо» и «Ланьшу» решили объединиться?

— Да Ли Жун теперь никто для «Хунсо». Его же свои выжили из класса. Давно шептались, что он переметнулся к Цэнь Сяо.

— Давно? Первый раз слышу! Они же раньше на дух друг друга не переносили.

— Говорят, он устроил скандал на совершеннолетию Сун Юаньюань, подробностей не знаю. Семья Сун в ярости, всем рты заткнули.

Хотя шум вокруг Ли Цинли и Гу Нун немного утих, положение их сына оставалось шатким. Ли Жун не стал подходить к прилавкам. Оценив вывешенное меню, он взял Цэнь Сяо за руку, слегка потянув на себя, и кивком указал на витрину: — Возьми мне порцию жареного фо и яичный пудинг на пару.

Линь Цинь тут же вскочил, доставая свою карту: — Я возьму, я! Отдыхайте, я мигом!

Цэнь Сяо нахмурился и обдал его ледяным взглядом. — Тебя кто-то просил? — оборвал он его.

Тот застыл в полном недоумении: — ???

Цзянь Фу лишь криво усмехнулся: — Брат...

<http://bllate.org/book/15351/1420152>